

**Надежда не постыжает. История
одного преодоления (рус.)**

Надежда не постыжает. История одного преодоления (рус.)

Надежда не постыжает

автор пожелал остаться анонимным

Ждем света, и вот тьма, - озарения, и ходим во мраке...

Но не всегда будет мрак там, где теперь он огустел (Ис.59:9,8:22)

Многое в моей жизни можно воспринимать как классику «предпосылок».

Отец ушел из семьи, когда мне было около трех лет. Отчетливо помню последний скандал в нашей семье (мама не потерпела измен), в результате чего он ушел. Когда он в мои 18 лет наставлял меня не «гулять» с женщинами, я немного улыбался в душе - для меня это уже было практически невозможно...

Помню яркий сюжет из раннего детства: как-то приехал мой далекий дядька в гости. Дело было летом, и, увидев его оголенный торс, я понял, что «зачарован» этим человеком... Маскулинность и все такое. Ведь все это было экзотикой для меня.

Мы жили с мамой и бабушкой, сводный брат по маме с 17 лет постоянно отбывал сроки то за изнасилование (присутствовал), то за грабеж, то еще за что. Наша разница в 9 лет (и разные отцы) не позволила нам стать братьями-друзьями - ими стали скорее мои двоюродные братики, с одним из которых, в детстве чуть было не «согрешил» (живя в большом городе, он был более «просвещен»)).

На нашей улице среди товарищей был только ОДИН мальчик-ровестник, остальные - девицы. Естественно с ним я по преимуществу и дружил, катался на велике и соби-рал бузину. Но все когда-нибудь кончается. Сосед был из греков, и их семья уехала в Грецию. И остался я в «бабском батальоне». Причем был старше девиц года на два.

Именно в этот момент начинается серьезное религиозное брожение в нашей семье. Первое чтение Свщ.Писания, первое посещение прав. храма с мамой.

Сосед мой уехал, и я остался без товарища, причем, сколько себя помню, самым страшным всегда было именно одиночество. Когда уличное окружение объявляло мне в детстве бойкот - это было она уровне физической боли.

Плюс к этому времени начал складываться комплекс неполноценности (я мало чего умел, стыдился своей внешности и т.д.). И это на фоне беспроглядного самолюбования еще с детства: чувствовал, что я лучше моего брата-"оболтуса", лучше многих однокашников, учителя же эту уверенность всячески поддерживали. Если кто-то указывал мне на это самообожание - крайне обижался. В моем классе я был единственным отличником из мальчиков, что также ставило преграды к нормальному общению с ними. Долгое время я считал одного соседа-однокашника своим другом, но, повзрослев, я понял, что за пределы элементарного симбиоза это не выходило (дошло почти до предательства).

Мои религиозные пристрастия не позволили мне продолжать общение со сверстниками на прежнем уровне. Одни девушки начали в меня влюбляться, относительно других стали распространяться инсинуации в плане моей с ними близости. Все это было очень неприятно...

Я начал уходить в книги и в богослужение, которое по настоящему полюбил. Мне очень не хватало отца, и я начал искать Отца Небесного. Мама что-то стала понимать и пытаться воссоздать семью, но было уже поздно...

Некоторое время спустя мама встретила пятидесятников и оставила Православие, к которому, к сожалению, так и не успела приобщиться. Бабушка к этим вопросам была индифферентна, лишь сожалела, что я как "старец" не хожу на молодежные тусовки, да замариваю себя постами (лишь втихушку добавляя в каши масло сливочное :-)).

Уход мамы из Храма подвиг пересмотреть основания моей веры, начать серьезное изучение Свщ. Писания и сопутствующей литературы. Я понял, что любить и изучать Писание можно и нужно в лоне Православной церкви. Первое время мы с мамой много спорили, потом устали и успокоились, признав, что «человеческое сознание не изменяется в споре». Несомненно такая «религиозная схизма» еще больше отдалила меня от матери: с некоторых пор я перестал доверять ей свои тайны и проблемы, и даже стал чуждаться общения с нею :-).

Что касается друзей... В какой-то момент я понял, что меня перестают понимать одноклассники и «подруги» с улицы.

В храме я также был чужим и одиноким (по отношению к прихожанам, ибо Бог даже на Кресте хочет всех нас обнять). Долгое время мне не удавалось даже завести разговор с кем-либо, ведь молодежи в церкви тогда почти не было.

В какой-то момент в моей душе происходит пертурбация: я иду на сближение с самым молчаливым человеком нашего класса, которого ранее в упор не видел. Именно с ним связаны многие важные вехи моей жизни. Я учился у него молчать и вдумываться в суть происходящего, а со временем он стал моим единственным другом.

Со временем я стал ясно осознавать, что ПРЕСЫТИЛСЯ женским обществом: и в семье и на улице. Я так много общался с ними, что это стало надоедать. Гиперопека в семье лишь усиливала это чувство отторжения. Даже стал ждать момента, когда смогу по-кинуть наш дом, чтобы делать хоть что-то самому.

После школы мы вместе с этим однокашником поступили в институт и еще больше сдружились. В религиозном плане он себя никак не проявлял, а в то время православие стало занимать самый большой сектор в моих интересах. Я бросил курить, перестал вообще слушать мирскую музыку, стал блюсти чувства свои. На девушек больше (признаюсь - по-детски влюблялся пару раз) старался и не смотреть - это ж запрещено. «Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице» (Иов 31:1). Жаль, что рьяно соблюдая эту заповедь, как-то позабыл о смежной, но не менее важной... Наверное, сказывалось отсутствие нормального духовного руководства.

В институте я начал ощущать свою житейскую беспомощность (с учебой, наоборот, все получалось), и, как следствие, зависимость от своих «деловых» друзей. Возможно, и это было самообманом. Впоследствии друзья мне признавались, что первое впечатление слабочка сменилось убеждением, что я сам на себе нес большое количество людей.

Во всяком случае, повреждение появилось и зрело в моей душе. В меня стали влюбляться уже преподавательницы. И вообще мне с «женщинами в возрасте» было очень легко общаться: здесь не было сексуального подтекста, мне не нужно было рисоваться парнем-рубахой, и можно было просто общаться. Любовь именно «бабушек» ко мне заметили даже сокурсники.

Кстати, в то время мои штудии свв.отцов отличались изысканной избирательностью. Я видел

только то, что мне хотелось видеть. Некоторые вещи грубо игнорировал: «не входи в короткое содружество с отроком и не спи с юношей под одним покрывалом» (1-е правило для новоначальных иноков аввы Исаии). Студенческая жизнь на квартире привела к необходимости спать с другом на одном диване.

Близкие мне люди намекали на пагубность пристрастия к человеку, но все заходило уже очень далеко. В моем сознании появилась одна ДОМИНАНТА. Хотелось быть рядом с этим парнем, брать с него пример и, в тоже время, помогать ему чем только можно... даже в ущерб себе. Но главные потери были в духовном плане. Завидуя чужой мужественности, умелости и внешности, я почти сознательно забивал свои мужские качества в «угол». Понятно, что все это превращалось в порочный круг, доходя до своеобразного самоуничтожения. Ущербное воспитание в детстве теперь дополнялось уже юношескими перегибами в формировании мужской идентичности. В это же время меня постиг серьезный религиозный кризис: в какой-то мере я разочаровался в своем бесполезном фанатизме, а «царский путь» еще не нашел. Стал меньше молиться :-).

При всем этом я даже мысли не допускал о причастности г/с. Срабатывали все известные психологии механизмы вытеснения и отрицания. Будучи уже вполне сформировавшимся гомосексуалистом, я боялся сам себе это признать.

Однажды в маминой газете я нашел огромную статью на эту ТЕМУ. Речь шла о молодом человеке, который по разным причинам пошел во все тяжкие в голландских барах. Но Господь не оставил его и свел с хорошими людьми, с девушкой, которая искренне решила ему помочь. И чудо произошло. В конце статьи он поведал то, что меня потрясло. ЭТО не ушло полностью из его жизни, хотя и перестало её определять.

Во время учебы в институте я понял, что совсем запутался. Через некоторое время впервые «выговорился» священнику о своих, как казалось, «нетематических» проблемах, и он внимательно меня выслушал. Отец сразу выявил многие перегибы в моей жизни, хотя преодолеть их приходится до сих пор. С этого момента я его уже не оставлял и просил быть моим духовником.

Именно этот человек стал мне по-настоящему и отцом и искренним другом. С ним я мог и могу обсудить все на свете, причем на высоком уровне.

Все мы боремся с идеализацией. Она была. Но позже я понял, КАК любить человека со всеми его недостатками. Я видел недостатки моего духовника изнутри, я знал о них. Но ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ для меня не уменьшалась, а ПОКРЫВАЛАСЬ его искренним стремлением помочь каждому, донести тот опыт единения со Христом, который он уже сумел стяжать за время пребывания в Церкви. С какого-то момента я стал жить у этого священника, что способствовало самому тесному общению с его семьей. Это дало ОБРАЗЕЦ СЕМЬИ ВО ХРИСТЕ, причем, в этой семье я был как настоящий сын! Дети еще были маленькими, и мне уделялось самое пристальное внимание. Отец нашел во мне не просто единомышленника-пономаря, а своего сына. То чего я НЕПОЛУЧИЛ В СЕМЬЕ - ОН ДАЛ. Но все это случилось позже...

В конце обучения очень хорошим другом стал наш староста. Все мы им восторгались. И его эрудицией и памятью. Он был душой компании и во всех отношениях приятным деликатным человеком. В какой-то момент он отошел от "левых фракций" нашей группы и стал общаться в нашем кружке. Все бы ничего, но угораздило его влюбиться в нашу одногруппницу. Причем это была скорее мания, чем любовь. Все уже давно поняли, что она за фрукт (красивая обертка без содержимого), а он «попал». Было много романтики и жертв, но она не могла ответить взаимностью, и открыто использовала его. Все мы это видели, но ничем не могли помочь. Он

буквально разбился о скалы.

У меня же сформировалось просто отторжение от этого мира глупости и фальши.

А когда со старостой случилась беда, это вывело меня из всякого равновесия. В душе поселилась ненависть к этой однокласснице, а заодно и ко всем девушкам, что долго меня еще мучило.

Потом был гром среди ясного неба. Я понял, что болен по теме и очень серьезно. Стремление к настоящему общению в мире мужчин приняло уродские формы.

Женщин я стал рассматривать как бесполое существа, с которыми можно сотрудничать в разных сферах, кроме сексуальной: здесь они были скорее инопланетянами, чем людьми :(.

Привязанность к другу стала прямо проявляться в сексуальном плане. Стало ясно, что девушки принципиально не вызывают эротического интереса. Зато на улице ловил каждый взгляд парней, как будто ожидая от них взаимности и ответного интереса.

Я поведал об этом бабушке, и почему-то будущей супруге. С ней мы общались уже давно и даже в группе в шутку назывались мужем и женой (еще одна грустная ирония была). Мы были хорошими друзьями, и существовали все предпосылки углубить наше единение. Но я отчетливо понимал, что привязан к миру мужчин больше, чем к ней. Все было так запутано. Счастье было так близко, так близко, и одновременно бесконечно далеко. Наши встречи я намеренно не выставлял как свидания, не стремился показаться лучше, чем есть. Обучение подходило к концу, необходимо было принимать какое-то решение. А его не было. Стоя в тупике перед стеной я понял, что придется просто распрощаться. Так и случилось.

Все это не прошло даром для меня. На фоне душевных терзаний я начал резко терять память и даже стал "теряться" в городе. Было страшно. Жизнь резко теряла смысл и значение, хотя мыслей о с/у не было. Оставалось лишь влачить жалкое существование.

При этом, друг детства (замечу, человек далекий от темы) был просто неотлучен. Так случилось, что мы вместе устроились на работу и даже жили в общежитии - вместе одну кашу ели.

Жаль, что тогда не имел в наличии материалы по преодолению. Приходилось искать выход без методичек - на ощупь. Сам опыт подсказывал, что взаимоотношения с парнем не приводят к взаимному обогащению, а лишь отодвигают необходимость что-то менять на второй план. Я понял, что такая «маниакальная любовь» с преобладанием чисто сексуальных вожделений не есть то, к чему я изначально стремился. Тот факт, что я мог влюбиться в парня на улице, подсказывал, что в истоке таких влечений лежит не глубокое постижение личности (хотя в случае с моим другом именно так и было), а «голодная реакция» и стремление построить настоящие отношения с ними.

В какой-то момент я сдался, поняв, что мужчине нужна женщина, роль которой во всей полноте я никогда не смогу выполнить. Заикливая же парня на себе я лишь подаю ложную надежду на любовь, уводя его от настоящего общения с миром женщин. С этих пор я начал воспринимать молодых людей как предназначенных для СВОИХ ЖЕНЩИН, в чем я видел их счастье и смысл. Нашел и еще один способ бороться с влюбчивостью с первого взгляда: я начинал благодарить Господа за такую красоту, которую Он устроил к славе Своей. Все люди суть ЕГО ЦВЕТЫ, и вовсе не обязательно эти цветы срывать для себя любимого.

Именно исходя из любви к парням я стал отпускать их из моей жизни. Я больше не хочу ими

владеть даже в мыслях и мечтах...

И случилось чудо... Для выхода из Содомы мне медлительному Господь послал двух ангелов. Будущая жена часто приезжала в гости. Но связать свою жизнь с человеком без наличия романтики мне казалось безумием: мучить и себя и девушку.

Вдруг меня посылают в Москву. Молился в Храме Христа Спасителя, в Лавре. Приложился к мощам преподобного и почему-то понял, что жизнь изменится.

Кстати, именно в Москве меня нечто шокировало... Пробираясь к своему поезду на перроне, я увидел трогательную картину: очень высокий молодой человек обнимал невысокую, но длинновласую подругу. Все показывало невыразимую трагедию расставания.

«Вот счастливые», - с явной завистью подумало мое одиночество, пробегая мимо них. В этот момент девушка, повернувшая ко мне лицо, оказалась парнем...

В замешательстве я понял, что смотрю в зеркало собственной жизни.

Находясь в абсолютно аналогичной ситуации, мне почему-то искренне захотелось пожелать им найти свою настоящую половину. А заодно и себе...

Той зимой я понял, что женюсь.

Подобный «сюрприз» случился в другой раз в автобусе: я стоял возле сиденья с двумя мужчинами эдак лет под 35-37. Это было второе зеркало: когда смотришь со стороны, уходит надуманная романтика и фантазии. Эти двое мужчин с ярко манерными чертами показали, кем я мог стать через несколько лет и на что рассчитывать.

Почему-то стало понятно, что гей в возрасте никому не нужен, кроме подобных себе никому не нужных одиноких геев, жадно поедающих глазами красивых молодых парней...

«Мужскую любовь» я стал воспринимать не как средство преодоления одиночества, а как бегство к нему.

«Надежда не постыжает» (Рим. 5:5): постепенно мир из черно-белого стал цветным.

Когда-то я сделал для себя вывод: нет на Земле любви, а все песни о ней есть обман и самообольщение. Гитары под луной? Зачем? Блеф!

И ВДРУГ, Господь дает мне опыт семейной жизни! Понятно, что сразу же захотелось забыть последние 10 лет как страшный сон.

К моменту женитьбы у меня созрело страшно желание заботиться о ком-то... к несчастью, эта забота не могла найти себе «объекта».... И лишь портила моих окружающих.

И вдруг, она вышла в нормальное русло в лице моей будущей жены.

Но... тогда в ней было «слишком» много самостоятельности, даже мужественности. ЭТО меня и пугало с самого начала. И окружающие меня запугивали: будешь подкаблучником и слабаком у сильной жены. К тому же на ноге второй палец длиннее первого - значит, жена

тобой рулить будет (это уже бабуля меня «обрадовала»). Понятно, что все эти рассуждения в категориях власти, авторитета и принуждения. Домострой наоборот.

И что же?

В какой-то момент я решился даже потерять себя ради единения с ней. «Не огорчайся во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее» (Быт. 21:12).

Вспоминается песенка страшная у группы Дельфин – «Любовь»... Однажды услышал ее по радио и очень удивился...

«Это больше, чем мое сердце. Это страшнее прыжка с крыши.
Это громче вопля бешеного, но гораздо тише писка забитой мыши.
Это то, что каждый всю жизнь ищет: находит, теряет, находит вновь.

.....

Я говорю тебе про любовь.

Она сама по себе невесома. Она легче, чем твои мысли,
Но вспомни, как душу рвало, когда она уходила, как на глазах твоих слезы висли.
Она руками своими нежными петлю на шею тебе набросит,
не оставляя ничего от тебя прежнего, сама на цыпочки встать попросит.
Ты даже не сможешь ее увидеть, ты никогда не заглянешь в ее глаза,
А думаешь только о том как бы ее не обидеть, не веря в то, что она действительно зла.
Ты можешь с ней расцвести и засохнуть. Она сожрет тебя как цветок тля,
Но все равно ЛУЧШЕ УЖ ТАК СДОХНУТЬ, ЧЕМ НИКОГО НИКОГДА НЕ ЛЮБЯ...»

И я решил рискнуть. Не смотря ни на что девушка поверила в меня, в то, что мои проблемы преодолимы, и стала моей первой и последней женщиной.

В какой-то момент она стала моим самым искренним другом, что еще больше нас сблизило. В ее лице я перестал смущаться женским полом, открывая для себя все новые и новые горизонты.

Венчались в день регистрации, живем мы уже пятый год. Совместная жизнь точно стала училищем благочестия, от многих привычек пришлось отказаться, многое пересмотреть и на многое посмотреть по-новому.

К счастью, совместная жизнь изменила нас обоих. Жена стала откладывать в сторону свою самостоятельность, желая видеть во мне свою СТЕНУ. Возможно, ее саму пугала перспектива рулить мной. РЕАЛЬНАЯ перспектива. КЕНОСИС с ее стороны принес плоды.

Жене стало приятно чувствовать себя маленькой девочкой за моей спиной. Соответственно и мне пришлось СТАНОВИТЬСЯ этой СТЕНОЙ (хотя бы пытаться), преодолевая все страхи, ведь позади – Москва :). Да и женщине важен даже не сам результат, а попытка мужчины что-то сделать для нее.

С самого начала совместной жизни на голову свалились разные промблемы: жилищные, денежные, моральные («притирка») и прочее. Мы решили на семейном совете (это понятие скорее метафизическое, чем кухонное) решать все вместе и ради друг друга.

И промблемы стали решаться. Я их, кажется, и раньше решал, но не было осознания, ради чего. А теперь все стало в другом цвете видеться (прямо игра слов про «цветность»)..

Семья, заботы, романтика – некогда стало зацикливаться. А все, что было на душе – стал жене

открывать. Не скрывая НИЧЕГО. И ТАМ почище стало...

Не скрою – было все: и усталость, и раздражительность, и даже отчаяние... Но все «вертелось» уже вокруг семьи и внутри нее...

А помощь свыше была ощутимая. Как и признавался – ее окружающие видели и глазам не верили.

В какой-то момент я стал сам себе ИСКРЕННО удивляться: «как ЭТО могло войти в мою жизнь?».

Позже «дурь» настигала меня, но очень редко и я всегда осознавал ее бредовость. Причем в моменты очевидной духовной слабости и тупиковости (какое же это тогда «естественное» состояние?).

А как с друзьями-парнями?

К моменту женитьбы круг друзей стал более-менее очерчен. Ими стали единомышленники и по-настоящему искренние люди. На новый приход моего батюшки Господь привел замечательных людей, простых и сложных. Когда говорят, что хороших людей не осталось, я знаю, что это ложь. Есть еще :-).

«Друг в беде не бросит, лишнего не спросит». Друг - это ДРУГОЙ Я.

Высшая степень единения для меня теперь - бытийная. Это касается и жены и всех окружающих. И прежде всего - перед Чашей, где мы все единокровные братики и сестрички. Совместная молитва - это второй уровень единения. Глубокий разговор - третий, а все остальное уже не в счет.

Удивительно, но единение с мужчинами теперь можно представить этой простой схемой, не прибегая к сексуальному подтексту.

На каком-то этапе в друге мы находим самого себя. Но главное, чтобы в этом поиске этого друга не эксплуатировать.

Оглядываясь назад, я уже не «ропщу на судьбу», не спрашиваю, почему и зачем это было... «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118:71).

Многие вещи воспринимаю как очевидную помощь Божию.

Верю, что и все «преодолевающие» не лишатся этой помощи, ведь «рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис.59:1)